

ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В 1871 ГОДУ

Проф. С. Куниский

Парижская Коммуна вызвала большое беспокойство в правительственных кругах России. Она явилась предметом весьма оживлённой переписки министерства иностранных дел и его дипломатических агентов. Источником для суждения о влиянии Коммуны на современное ей русское общественное мнение служат в числе прочих материалов органы печати различных направлений.

Настоящая статья ставит перед собой задачу — исследовать отношение к Коммуне, выявившееся на страницах русской легальной периодической печати, начиная от наиболее умеренных органов и кончая радикальными. Следует, однако, принять во внимание, что наиболее революционные элементы русского общества не имели, по понятным соображениям, своего органа печати, а те радикальные журналы и газеты, которые выходили легально, не могли говорить полным голосом.

В январе 1871 г. политический обозреватель близкого к славянофилам журнала «Беседа»¹ писал, что «вся цепь событий», связанных с франко-прусской войной, «придала истекшему году значение давно небывалого исторического перелома, новой эры, с которой поведётся отныне счисление дальнейших событий, тесно с ней связанных». Все симпатии журнала безоговорочно на стороне французов. Победа Пруссии означает «зловещую будущность для цивилизации и свободы в Европе»². Политическое направление «Беседы» видно из того, что она сочувствует Жюльо Фавру и Гамбетте и относится отрицательно к Тьеру.

Уже при первых известиях о восстании в Париже «Беседа» писала, что «в парижских волнениях не нужно видеть только вспышку, затеянную несколькими десятками горячих голов»³. При всём том оценка Коммуны далеко не свидетельствует о глубокомыслии «Беседы». Коммуну она объявляла движением за коммунальную независимость. Уже из слова «федерация», употреблённого в одном из документов Коммуны, «Беседа» делает вывод о том, что последняя стремилась к федерации всех общин и ставила своей целью их автономность⁴.

«Централизации хочет правительство Тьера; децентрализации требует рабочий класс... Французский народ разделился, видимо, на три части: централизаторов, городское население, требующее городской автономии, и, затем, сельский народ»⁵. Между тем это пи-

салось в мае, когда уже можно было подвести некоторые итоги парижских событий.

На чьей же стороне историческая правда? «В этой борьбе с точки зрения истории все правы», — отвечает покладистый обозреватель журнала и утешается тем, что Россия сия чаша минует. Общинное землевладение, артельное начало труда — это те преграды, которые не дадут всяким социалистическим «бредням» перешагнуть через границы России и оградят её от западноевропейских «ужасов». Ведь сам государь дарует автономию городам и земским собраниям и этим «предупреждает народные желания». Таким образом, концепция общины, которая для левых народников послужила исходным пунктом их теории о социалистической предназначенности России, представлялась некоторым кругам либералов гарантией от проникновения социализма. Таково понимание Коммуны, выдвинутое славянофильским либерализмом.

Франция представлялась им олицетворением хаоса, в котором они не хотели или не умели различать борьбы классов. В лучшем случае они способны были констатировать борьбу консервативного и либерального начал.

При анализе последнего, завершающего этапа Коммуны журнал придерживался золотой середины. С ужасом писалось о «зверствах» коммунаров, не одобрялись и зверства версальцев; о Тьере писали в ироническом стиле, о Феликсе Пиа, Делеклюзе — в саркастическом тоне. Получается, что «правы и те и другие»⁶. «Освещающая процесс коммунаров, «Беседа» пыталась дать характеристику основных направлений Коммуны. По мнению журнала, таких направлений три: социалисты-рабочие, под которыми, повидному, подразумевались прудонисты, — на их стороне все симпатии журнала; бланкисты-террористы, по адресу которых журнал мечет гром и молнию, и неопределённая буржуазная, или, точнее говоря, мелкобуржуазная, партия, стремившаяся, по словам «Беседы», нажиться на Коммуне, представители которой вывезли с собой якобы много денег⁷.

Умеренно-либеральный журнал «Вестник Европы», слышавший в ту пору одним из опорных пунктов западничества, противопоставлял себя органу радикальной революционно-демократической интеллигенции — «Современнику».

Именно в нём подвизался неизвестный тогда в Петербурге адвокат Е. Утин, родной брат Н. Утина, одно время доверенного лица Маркса. Он был автором нашумевших в своё время корреспонденций из Франции,

¹ В нём, правда, участвовали и западники (Костомаров, А. Градовский и другие), но основной тон задавался славянофилами (Кочелевым, Филипповым и др.).

² «Беседа» за 1871 г., № 1, стр. 67, 72 и № 2, стр. 85.

³ Там же, № 3, стр. 38.

⁴ Там же, № 4.

⁵ Там же, № 5, стр. 311.

⁶ Там же, № 6. Политическое обозрение.

⁷ Там же, № 9. Иностранное обозрение, стр. 124—125.

изданных впоследствии отдельной книгой и запрещённых цензурой⁸.

Яркие, написанные на основе личных впечатлений корреспонденции Е. Утина возбуждали всеобщее внимание. Утин бывал во Франции ещё при Второй империи — с 1864 по 1868 год. Он провёл там также самые горячие месяцы 1871 г., присутствовал в Бордо на заседаниях Национального собрания, утвердивших прелиминарный мирный договор, был в Париже накануне 18 марта.

Уже в самом начале франко-прусской войны Е. Утин ставит основной вопрос: кто носитель прогресса — Франция или Германия?

Симпатии Утина всецело на стороне Франции, которая весь XIX в. героически боролась за политическую свободу, дав миру первые, непревзойдённые образцы политических учреждений, основанных на свободе, равенстве и братстве. Правда, обманутая низкими политиками, она неоднократно теряла свою политическую свободу. Однако с поразительным упорством она снова подымалась на борьбу. Пруссия представляется Е. Утину олицетворением грубой физической силы. Он видит «неимоверную нравственную силу» Франции в элементах, обеспечивших торжество политической свободы в рабочем классе, мелкой буржуазии и, наконец, в той образованной массе, к которой примыкают люди так называемых либеральных профессий. «Элемент невежества — это сельское население, элемент гнилости — это бюрократия и всё созданное Второй империей»⁹.

В рассуждениях Утина много наивного, но с политической точки зрения, они отражают позицию более прогрессивных слоёв либеральной буржуазии. Тьеровская республика кажется автору «неискренней». В этом политическом хаосе единственной фигурой, достойной стать в главе Франции, он считает Гамбетту. Это «народный трибун», обладающий обаятельной силой, его «величая фигура» заполняет для Утина всю авансцену политической жизни.

Предметом особой ненависти Утина является «деревенское собрание». Порой, когда читаешь страницы, посвящённые уничтожающей критике деятельности «деревенщины», можно подумать, что читаешь хлесткий памфлет, написанный французом. Утин, как истинно французский патриот, с негодованием и злобой описывает картину разрушений, произведённых пруссаками в Сен-Клу и других затронутых войной областях Франции. Он даёт яркую, полную драматизма картину заседания Национального собрания 28 февраля 1871 г., на котором предательская «деревенщина» вкупе с Тьером и Фавром выдала связанную по рукам и ногам Францию в руки прусского милитариз-

ма. День 1 марта явился вторым «историческим днём», когда был окончательно принят прелиминарный мирный договор. «Драма была сыграна. Занавес опустился»¹¹.

Утин был поражён разнузданностью реакции в стране, которую революция только что освободила от власти авантюриста, он ищет пути, как предотвратить в дальнейшем поступательный ход реакции, и приходит к выводу о необходимости ограничить всеобщее избирательное право¹².

Накануне 18 марта Е. Утин был в Париже. В воздухе чувствовалось приближение грозы. Паскаль Груссе, с которым Утин был в близких отношениях, предсказывал, что серьёзное движение может вспыхнуть только через недели или месяцы. Он, впрочем, признавался Утину, что боялся этого движения, так как гражданская война на виду у неприятеля была чревата опасными последствиями. «Разве истинные патриоты могут начинать гражданскую войну под неприятельским выстрелом?» — говорил Груссе. Однако провокационная деятельность Тьера вызвала гражданскую войну, и через несколько дней после этого разговора Коммуна стала фактом.

Утин ни в какой мере не оправдывал Коммуну, но он понимал её неизбежность. Груссе из патристических соображений говорил, что не надо было начинать гражданскую войну; Утин вслед за Груссе ювелировал эту аргументацию, но вместе с тем он понимал, что демократические элементы не могли дать себя разоружить, ибо это угрожало бы существованию республики. Однако ещё более важной причиной, породившей Коммуну, был обманутый патриотизм. В игре с сомнительным исходом «деревенщина» не хотела ставить на карту политическую власть, которую она держала в руках. За это её критиковали либералы типа Гамбетты, за это её ненавидели радикалы, будущие коммунары, а вместе с ними и Утин. Но было бы величайшим заблуждением думать на этом основании, что Утин был с коммунарами: он был с гамбеттистами. О коммунарах он говорил как о «фанатиках политической и социальной свободы». Он не брал на себя смелость сказать, «кто безусловно прав, кто безусловно виноват в этой страшной двухмесячной борьбе». Одно он решился сказать: главная доля ответственности за гражданскую войну падала на Национальное собрание с его провокационной политикой. Это была точка зрения либерала. Утин, конечно, не понял глубокого социального смысла Коммуны, её громадного исторического значения. Для него она была лишь патристическим, республиканским движением, направленным против реакции, которая шла из Национального собрания. В его понимании Коммуна с самого начала была обречена на поражение. Так, в излагаемых Утиным высказываниях Варлена и настроениях Паскаля Груссе чувствуется безнадежный фатализм.

Всё же Е. Утин ближе подошёл к правильному пониманию Коммуны, чем ино-

⁸ Книга Утина называлась «Франция в 1871 г. Политические эскизы». СПб. 1872. Несмотря на запрещение отдельные её экземпляры сохранились.

⁹ «Вестник Европы» за 1871 г. Т. II, стр. 870.

¹⁰ Утин Е. «Франция в 1871 г.», гл. IX (вся посвящена Гамбетте).

¹¹ Там же, гл. VIII.

¹² «Вестник Европы» за 1871 г. Т. III, стр. 343—344 и дальше.

странный обозреватель «Вестника Европы». «Философия истории» последнего проста, она сводится к обычному приёму либералов: виноваты и те и другие. Что коммунары подожгли Париж, — это для него не подлежит сомнению (впрочем, легенду о петролейщиках, которые якобы поджигали здания в Париже, принимает и Е. Утин). Что Коммуна была склонна «к формальным актам дикого вандализма», тоже не подлежит сомнению. «Париж жгли трусы», — коротко замечает обозреватель. «Но кто же имел столько храбрости, чтобы избивать этих трусов?» — вопрошает он и отвечает: «Те, кто обогатил историю неслыханными примерами сдачи громадных армий неприятелю». Одним словом, с обеих сторон действовали трусы. Всё это довольно хлестко, но ничего не объясняет¹².

Е. Утин был непосредственным свидетелем большей части описывавшихся им событий. Но вот перед нами другой русский, проживший в Париже весь период Коммуны. Мы говорим о получившем впоследствии известность Г. Н. Вырубове, учёном-кристаллографе. Он долгое время прожил во Франции, причём до Коммуны был лично знаком с некоторыми будущими коммунарами. Вырубов был философом, позитивистом-континентом, а по политическим убеждениям — либералом. Будучи близким другом Герцена, он после смерти последнего считался его душеприказчиком. Он работал в Красном кресте. По указанию версальцев часть Красного креста осталась в Париже. Возможно, это было сделано со специальной целью, так как Вырубов относился к Коммуне враждебно. Правда, он не мог не признать, что версальцы были более жестоки, чем коммунары.

В презрительном и пренебрежительном тоне говорит он о неумении коммунаров наладить административный аппарат, об их совершенном незнании военного дела. Плоские анекдоты о Рауле Риго перемежаются у него с плохими каламбурами. Единственно, о ком он отзывался благожелательно, — это о Домбровском, да и его упрекал в том, что он своевременно не подал в отставку.

Каковы же были причины возникновения Коммуны с точки зрения этого позитивиста? Объяснения Вырубова довольно примитивны и несерьёзны, тут фигурируют и «редкое стечение обстоятельств», которое само требует объяснения, и большие запасы вина и алкоголя¹³ и т. д. Всё это хотя и несерьёзно, но характерно для настроений определённых кругов.

Для полноты картины остановимся ещё на отношении реакционной и либеральной прес-

сы к Коммуне. С этой стороны вопрос уже освещался в нашей литературе¹⁴.

Позиция реакционной правительственной прессы в отношении Коммуны была крайне проста: сокрушить, раздробить, «изничтожить». «Правительственный Вестник», катковские «Московские Ведомости», «Русский Вестник», где подвизался близкий к Каткову Феоктистов, не ломали себе головы над большими политическими вопросами, они рубили с плеча. Тьера они обвиняли в мягкосердечии, в медлительности, в прямом попустительстве по отношению к социалистам. После майской кровавой бани они, однако, находили тьеровскую тактику очень удачной, ибо она давала возможность одновременно подавить весь «интернациональный сброд», собравшийся в Париже¹⁵. Кто был с их точки зрения создатели Коммуны? «Самая развращённая чернь, которая когда-либо размножалась в больших городах, движимая приманкой грабежа, прикрашенного теориями коммунизма, несколько сумасшедших вралей и во главе всего наёмные агенты вражеской интриги»¹⁶. В другом месте Катков продолжает в том же духе: «Это апофеоз всякой мерзости, всякой подлости. Здесь не распознаешь грабителя с наёмным поджигателем, каторжника с подосланным от неприятеля агентом».

Эти «наёмные агенты вражеской интриги» не дают покоя Каткову, и он выдвигает следующую «версию» происхождения Коммуны: всё, что происходит в Париже, делается по указке Бисмарка, который хочет восстановить во Франции господство Наполеона III. «Коммунисты и агенты бонапартовские — в сущности одно и то же... очень может быть, что под красным знаменем устанавливается в Париже по плану берлинского политика правительство императора Наполеона III»¹⁸. Опираясь на орган Бисмарка, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», Катков обвиняет канцлера в том, что он готов признать правительство Парижа в лице Центрального комитета Национальной гвардии (дело происходило ещё до выборов Коммуны)¹⁹. Одно время Бисмарк действительно склонен был заигрывать с Коммуной. Во всяком случае, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» признавала, что существует «новое французское правительство, а в настоящую минуту истинное парижское правительство

¹² См. М. Балабанов «Россия и европейские революции в прошлом». Вып. 3-й. В главах I и II автор останавливается исключительно на разборе столичных (петербургских и московских) газет и журналов.

¹³ «Правительственный Вестник» № 119 от 20 мая 1871 г., см. также статью Феоктистова в «Русском Вестнике» № 9.

¹⁴ «Московские Ведомости» № 61 от 20 марта и № 51 от 9 марта 1871 г.

¹⁵ Там же, от 8 марта 1871 г. или «Собрание передовых статей «Моск. Вед.» за 1871 г., стр. 153 (были изданы после смерти Каткова).

¹⁶ См. «Моск. Вед.» от 13 и 19 марта 1871 г. или «Собрание передовых статей «Моск. Вед.» за 1871 г., стр. 166 и др.

¹³ См. «Вестник Европы» за 1871 г., кн. IV, стр. 854—858; кн. VI, стр. 862—869. Иностранное обозрение.

¹⁴ В «Вестнике Европы» за 1872 г. (№№ 1, 3, 5, 6, 7, 12) печатались корреспонденции из Парижа и рецензии, написанные Н. Утиным. Однако эти бесцветные корреспонденции не представляют никакого интереса.

¹⁵ «Вестник Европы» за 1914 г., № 1, стр. 181.

сложилось уже окончательно». Газета отмечает, что правительство Коммуны столь же законно, как и правительство 4 сентября²⁰. Сопоставляя все эти высказывания с известной речью Бисмарка в рейхстаге 1 апреля, Катков со злорадством приходит к выводу, что его точка зрения о прусско-бонапартистском происхождении Коммуны правильна²¹. Эта версия была нужна Каткову как лишнее подтверждение справедливости его антипрусской позиции.

Временами Катков склоняется к мысли, что корень всех зол заключается в том, что Париж властвует над всей Францией. «Не та или другая династия была бедствием Франции, — пишет он, — а подавляющая власть Парижа над её судьбами»²². В возникновении Коммуны Катков винит персонально Фавра, допустившего вооружение Национальной гвардии, и Тьера, не разгромившего Коммуну в зародыше²³.

Катков заключает: «Идти далее некуда. Франция должна или погибнуть или оставить путь революции». Однако майская неделя и последовавшие за ней события убеждают Каткова в том, что Франция избрала второй из указанных им путей. Он одобряет циркуляр Фавра иностранным правительствам о выдаче коммунаров и хвалит Бельгию, сразу согласившуюся с предложением Фавра. Но он обрушивается на Англию, занявшую иную позицию. «Поджигателей и убийц, — говорит он, — нельзя считать воюющей стороной, их нельзя приравнивать к политическим преступникам»²⁴. В таком же духе писала вся французская реакционная пресса.

Обращаясь к так называемым либеральным газетам, следует отметить, что позиция такой газеты, как «Голос», издававшейся Краевским, мало чем отличалась от позиции «Московских Ведомостей». «Голос» проявлял очень большой интерес к событиям 1870—1871 годов. Газета получала богатейшую информацию о Коммуне и, помимо этого, печатала статьи своих парижских корреспондентов за подписями: Шербань, А. Ст. Ф-т и В-ич. Эти корреспонденции писались из Парижа, Версаля, Бордо, Сен-Жермена и т. д. Наряду с самой откровенной клеветой на Коммуну, анекдотами, сплетнями и слухами здесь помещались и описательно-бытовой материал, подробные извлечения из иностранной прессы, имевшей своих корреспондентов в Париже, и т. д. Приводились, например, описания свержения Бандомской колонны, разрушения отеля Тьера и того, что там было найдено, подробности ареста Ротфора, вступления версальцев в Париж, пожара Парижа и т. д.

«Вот уже несколько дней сряду, как Париж находится в руках шайки пролетариев», — сообщает газета 12 марта (по старому стилю). Неоднократно подчёркивается, что главное зло, от которого страдает

Франция с 1848 года, — это разрушительные социалистические учения. Начало этих учений газета возводит к Прудону; о Луи Блане отмечается, что ныне он не пользуется никаким влиянием²⁵. В другом месте газета пишет, что за Коммуну стоят съёмщики квартир, которым она обещает отсрочку квартирной платы²⁶.

Особенно зловонными и полными инсинуаций были корреспонденции Шербаня из Парижа, Версаля и Бордо. Победа Коммуны означает для него победу «жуликов». «Каким же образом произойдёт освобождение?» (от Коммуны.—С. К.) — спрашивает он и вынужден признать, что «на самих жителей рассчитывать — химера»²⁷. Гамбетта и Кремье кажутся ему слишком радикальными политиками, Луи Блан — слишком терпим к Коммуне. Он сообщает многочисленные сплетни о грабежах, рассказы о пленных коммунарах, в сапогах у которых находят якобы золото, вздорные слухи о том, что Гамбетта подарил Коммуне 20 тысяч франков²⁸ и т. п. Всею эту контрреволюционную болтовню печатает газета, именующая себя серьёзным органом либеральной мысли.

Прочие корреспонденции стоят на несколько более высоком уровне. Автор одной из них рассуждает следующим образом: пока Коммуна была только организацией муниципального самоуправления, всё было благополучно, как только она захотела стать правительством, она потеряла всякую популярность и «осталась только со своими приверженцами — социалистами»²⁹.

Газета резко выступает против английского «Таймса», требующего удовлетворения элементарных требований самоуправления Парижа: нельзя, мол, уступать бунтовщикам и мятежникам. Особенно ожесточёнными становятся нападки «Голоса» на Коммуну в майские дни: во Франции идёт борьба между цивилизацией и варварством, в разрушении Парижа виноваты только коммунары. Вина лежит не на Тьере и не на Национальном собрании, которые не дали Парижу автономии, а на тех, кто своевременно не разоружил Национальную гвардию. Однако основную причину газета видит в социалистических учениях и в их «чудовищных методах борьбы»³⁰.

В числе социалистических организаций газета упоминает и Интернационал, но со вздохом облегчения замечает, что в России он не имеет влияния, так как здесь нет пролетариата³¹.

В одной из корреспонденций делается попытка проанализировать состав Коммуны и намечаются следующие 6 групп: наполеоновские мушары, якобинцы, иллюминаты («Бабики», представители «передовой партии» (Арну, Риго, Верморель, Валлес), рабочие (Авдаль, Дерер), члены Интернационала

²⁰ См. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 30 марта 1871 г.

²¹ «Моск. Вед.» от 24 марта 1871 г.

²² Там же от 8 марта 1871 г.

²³ Там же от 24 апреля 1871 г.

²⁴ Там же от 25 мая 1871 г.

²⁵ «Голос» от 6 апреля 1871 г.

²⁶ Там же от 18 марта 1871 г.

²⁷ Там же от 3 апреля 1871 г.

²⁸ Там же от 22, 29 апреля 1871 г.

²⁹ Там же от 5 апреля 1871 г., см. корреспонденции В-ича.

³⁰ Там же от 19 мая 1871 г.

³¹ Там же от 5 июня 1871 г.

(Асси, Журд, Варлен)³² В дальнейшем даются сведения об Интернационале. Нечего и говорить, что эта классификация совершенно произвольна (в числе членом «передовой партии» объединяются представители большинства, например, Риго с членами меньшинства), но она не лишена интереса, поскольку показывает, как плохо русская пресса была осведомлена о внутренних делах Коммуны.

Такие представители либеральной прессы, как «Биржевые Ведомости» и в особенности «Санкт-Петербургские Ведомости», горячо сочувствовали Франции во время войны и были решительными противниками «позорного» мира, навязанного Франции Пруссией³³.

Описывая заседание Национального собрания в Бордо, корреспондент газеты подчёркивает позорное спокойствие Собрания, указывает на дряхлость Тьера. При виде этой «почтенной руины» казалось, что на трибуне стоит современная Франция. «На нас пахнуло могилкой»³⁴. Газета едва не призывает Францию к продолжению войны.

Коммуну эти газеты рассматривают как несчастье Франции: «6(18) марта для Франции наступил опасный кризис». Во внутренней политике, по их мнению, начинается господство крайней радикальной партии, а во внешней политике это может вылиться в войну. От крайних республиканцев типа Флюранса, Пиа, Бланки, Асси (эти имена чаще всего попадают в прессе, причём в первые дни фигурировало имя одного Асси) трудно ожидать чего-либо хорошего. Зная патристические настроения революционных элементов, некоторые газеты опасались, что «фанатические представители войны до последней возможности снова возобновят военные действия»³⁵.

Если раньше «Петербургские Ведомости» чуть ли не призывали Францию не славиться Пруссии, то теперь они называют продолжение войны безумием. В первые дни газета призывала к объективности: «К крупным общественным явлениям, поражающим своей необычайностью, нельзя относиться только с точки зрения физической расправы». Она дискутировала с «Московскими Ведомостями», которые раньше подымали на щит даже бонапартовскую Францию, а теперь хотят вычеркнуть её из числа великих наций и отрицают всю её новейшую историю с 1789 года³⁶.

«Биржевые Ведомости» ещё до Коммуны полагали, что революция во Франции невыгодна как самой Франции, так и Германии. Бисмарк должен опасаться того, что революционное правительство расторгнет мирный договор, в чём Германия вовсе не заинтересована. Французское же правительство видит в Бисмарке опору против революции в

своей стране³⁷. Когда Коммуна стала фактом, газета высказала предположение, что Тьер и Фавр не возражали бы против вмешательства Бисмарка и даже против бомбардировки им Парижа, хотя сами, по вполне понятным причинам, не могли пропустить его об этом³⁸.

Либеральные газеты отказываются верить тому, что Коммуна инспирирована Бисмарком. Наоборот, они полагают, что Бисмарк заинтересован в сохранении Тьера³⁹. Для установления порядка внутри страны и для спокойствия в Европе, Франции больше не нужны «укротители» типа Наполеона, тем более, что революция теперь не распространится, как в 1848 году.

В исследовании причин возникновения Парижской Коммуны либеральные газеты обнаруживают склонность к весьма поверхностным суждениям. Так, например, «Биржевые Ведомости» считают, что всё дело в национальных гвардейцах, которые хотят сохранить себе заработную плату, а в Национальной гвардии, по уверениям газеты, находятся «самые подонки парижской черни». Аналогичная ситуация была, мол, в 1848 г., когда были закрыты национальные мастерские⁴⁰.

Большее понимание и большую осведомлённость обнаруживают «С.-Петербургские Ведомости». Они усматривают причины революционного взрыва и в отказе продлить мораторий, и в требовании немедленного внесения квартплаты, и в попытках разоружить Национальную гвардию, и в отказе дать Парижу муниципальную автономию. Конечно, вина ложится и на депутатов Парижа, которые во-время не взяли власти и этим отдали её «в руки группы неизвестных и никем не уполномоченных лиц»⁴¹.

Либеральные газеты стараются снабдить своих читателей обильной информацией. «Петербургские Ведомости» имели своего корреспондента в Париже, повидимому, француза и весьма влиятельного, если верить его рассказам. Его корреспонденции появлялись за подписями «Парижанин» и «Сторонний наблюдатель». «Биржевые Ведомости» давали подробный материал о внутренней жизни Парижа и о деятельности Коммуны.

«Парижанин» уверяет, что он беспристрастен к обоим лагерям. Он выступает сторонником примирения обеих сторон. В конце марта этот необыкновенный оптимист выражает надежду, что «здравый смысл и старость главы исполнительной власти помешают открытой войне между департаментами и Парижем»⁴². Вместе с мэрами он ездит из Парижа в Версаль с целью примирить обе стороны. В начале апреля он ещё не теряет надежды: его уверенность покоится на возможности раскола между Коммуной, объ-

³⁷ «Биржевые Ведомости» от 2 марта 1871 г.

³⁸ Там же от 15 марта 1871 г.

³⁹ Там же от 9 апреля 1871 г.

⁴⁰ Там же от 9 марта 1871 г.

⁴¹ «Петербургские Ведомости» от 16 (28) и 31 марта 1871 г.

⁴² Там же от 23 марта 1871 г.

³² «Голос» от 2 июня 1871 г.

³³ «С.-Петербургские Ведомости» от 1/13 марта 1870 г.

³⁴ Там же от 4 марта 1871 г.

³⁵ Там же от 9/21 марта 1871 г.

³⁶ Там же от 25 марта, 5 апреля 1871 г.

явившей переговоры с Версалем актом государственной измены, и ЦК Национальной гвардии⁴³. Не лишено интереса изложение интервью с Клемансо и Пельтаном, которых наш «Парижанин» упрекает в отказе от дальнейших попыток добиться примирения⁴⁴.

Историк Коммуны найдёт в этих корреспонденциях из Франции много живого и яркого описательного материала, касающегося быта, культуры и отдельных эпизодов борьбы революционного Парижа. Интересны описания внешнего облика Парижа и настроений различных общественных слоёв, описания отдельных эпизодов классовой борьбы, хотя здесь поправки на политические настроения автора корреспонденций необходимы больше чем где бы то ни было, описания сцен братания национальных гвардейцев с солдатами линейных полков, расстрела Тома и Леконта, разгона контрреволюционной демонстрации, картина майской недели, описание женского собрания, на котором присутствовал корреспондент. Всё это были свидетельства людей, наблюдавших эти события, а порой и принимавших в них участие.

В оценке Коммуны либеральная пресса отнюдь не впадала в панику, как правительственные газеты. Так же, как и журнал «Беседа», либеральные газеты полагали, что отсутствие пролетариата иммунизирует Россию от проникновения туда всяких социалистических учений и тайных обществ, в частности Интернационала⁴⁵. Коммуна для нас не представляет опасности, писали «Биржевые Ведомости», потому что безземельного пролетариата у нас нет и «мы на всякие там Парижские Коммуны и прочее можем смотреть совершенно спокойно»⁴⁶.

Газеты с удивлением констатировали, что после 18 марта в Париже стало очень спокойно, улицы безопасны, «не слышно ни о каких покражах»⁴⁷. Несколько позже этот факт подтвердил «Голос»: «Это может казаться парадоксом, но это так, никогда частная собственность не была здесь так безопасна, и ни о борцовстве со взломом, ни об убийствах нет давно уже слуха в городе чуть ли не с двухмиллионным народонаселением, без всякой полиции»⁴⁸.

Вся либеральная пресса много внимания уделяла ужасам майской недели. Но ни у одной из газет не хватило мужества признать историческое величие и нравственную правоту Коммуны, все они рассуждали по формуле «С.-Петербургских Ведомостей»: с одной стороны, повинны «отжившие люди и клерикалы Версаля», с другой стороны, виноваты «тёмные фанатики Парижской Коммуны»⁴⁹. По мере того как борьба уси-

ливается, общее мнение склоняется к тому, что Франции приходит конец и при любом результате борьбы авторитет государственной власти будет расшатан⁵⁰.

«Биржевые Ведомости» вообще не видели выхода из положения, ибо победа любой из сторон не приведёт к умиротворению. Правительство держится на Тьере, который по сравнению с Национальным собранием является «радикалом». Собственно говоря, ни Коммуна, ни Версаль не представляют народа: первая — «представитель буйной парижской черни», Национальное собрание — «орган тёмного крестьянства». Вся надежда на Тьера⁵¹.

После падения Коммуны либеральная пресса стремится уяснить себе сущность Коммуны. Чаще всего в качестве основной причины возникновения Коммуны приводится стремление к автономии Парижа. Некоторые органы печати, более ознакомленные со взглядами прудонистов или бакунистов, объясняют возникновение Коммуны стремлением к созданию во Франции федерации автономных общин или даже к ликвидации государственной власти.

Не лишена интереса трактовка этой мысли «Современными Известиями», московской архивной газетой, редактировавшейся известным славянофилом Гиляровым-Платоновым. Последний также выступает против централизации, которая приводит фактически к диктатуре Парижа — города революции. По его мнению, зло не в нескольких социалистах, и не в национальных гвардейцах, и не в бельвийских рабочих, поднявших восстание. Нет, зло в самом Париже, в начале, которое им воплощается. Поэтому наш славянофил советует: «Не восстанавливайте Парижа». Надо лишить Париж его роли столицы, тогда не будет города-диктатора. Развенчать Париж — вот смысл его контрреволюционной философии⁵².

Интересно, как Гиляров-Платонов мотивирует этот свой вывод. Все действуют во имя народа, — пишет он, — а народа-то нет. «Народа нет, а существуют личные интересы и интересы сословий, мелких и крупных собственников, капиталистов и рабочих, безземельных и бездомных». Франции нужно отказать от своей собственной истории (конечно, только начиная с конца XVIII в.), от централизации и вернуться к исконным бытским народным началам. От всех этих расстройств так и веет духом славянофильской «почвенности».

Ряд либеральных газет усматривал цель Коммуны в защите республики и находил её стремление очень обоснованным. Отдельные газеты поднимались даже до пони-

⁴³ «Биржевые ведомости» от 7 апреля. Описание переговоров мэров с Тьером см. в корреспонденциях от 19, 21, 22, 23 марта 1871 г.

⁴⁴ Там же от 2 апреля 1871 г.

⁴⁵ См. «Голос» от 5 июня 1871 г., № 145.

⁴⁶ «Бирж. Вед.» от 19 марта 1871 г. См. также «С.-П. Вед.» за 1871 г., № 84.

⁴⁷ «С.-П. Вед.» от 9, 14, 15 апреля 1871 г.

⁴⁸ «Голос» от 6 мая 1871 г., № 124.

⁴⁹ См. «С.-П. Вед.» от 15 мая 1871 г. См. там же от 2 (14) апреля.

⁵⁰ См. «Современные Известия» № 110 за 1871 г. «Нива» № 16.

⁵¹ «Бирж. Вед.» от 2 апреля 1871 года. За несколько недель до этого газета признавала, что у Тьера не имел никакого авторитета, что у него нет железной воли, что он беспомощен (см. «Бирж. Вед.» от 16 марта 1871 г.).

⁵² «Современные Известия» от 2 апреля 1871 г. за № 88 и 19 мая 1871 г.

мания Коммуны как творения рабочего класса, который вложил в Коммуну известное социальное содержание. Такое понимание мы находим не только у «Биржевых Ведомостей», как это думает М. Балабанов⁵³, но встречаем его, как указывалось выше, и у Утина. «С.-Петербургские Ведомости», определяя сущность Коммуны, также указывали, что, помимо стремления к самоуправлению Парижа, Коммуна провозгласила в качестве одного из своих программных тезисов требование власти: «Пролетариату должна прежде всего принадлежать власть и преобладающее господство в государстве»⁵⁴. Можно было бы умножить эти примеры; все они свидетельствуют лишь о том, что отдельные либеральные газеты приближались к пониманию Коммуны как правительства, созданного рабочим классом; и это ещё более усиливало их злобные нападки на Коммуну.

Либеральная пресса внимательно следила за внутренними разногласиями в Коммуне, хотя ориентировалась в них плохо. Для «Биржевых Ведомостей» Коммуна — это «горсть энтузиастов, ссорящихся между собою и не имеющих никакого определённого плана, они увлекают за собою целые массы людей, ничего не смыслящих, которые в свою очередь ташат с собою силою толпу, не желающую биться»⁵⁵.

Близки к такому пониманию и «С.-Петербургские Ведомости», которые считают, что «предоставленные сами себе рабочие национальные гвардейцы» ограничились бы требованием автономии Парижа, а вот якобинцы (Делеклюз, Бланки) толкают их, видите ли, на «безумный» путь: они требуют господства Парижа над всей Францией⁵⁶.

«Биржевые Ведомости» неоднократно указывали на пагубное влияние, оказанное Интернационалом на Коммуну. Оказывается, Интернационал был полезен рабочим, пока он занимался экономическими задачами; для этой цели он имел огромные финансовые средства. Но с того времени, как Интернационал стал на путь политики, он стал играть вреднейшую роль и что самое печальное, увлёк на этот же путь и Коммуну⁵⁷.

Некоторые либеральные газеты указывают на борьбу внутри Коммуны, между коммунистами, находящимися под влиянием Сен-Симона, Фурье и особенно Бабефа, и другими «коммунистами». К первым они относят, повидимому, членов большинства (Бланки, Делеклюза и, странным образом, Луи Блана), ко вторым — членов меньшинства (Лефрансе, Валлеса, почему-то и Флюранса)⁵⁸. Часто указывается на стремление некоторых коммунаров подражать «крайностям якобинства 1793 г.»⁵⁹. Однако Комму-

ну, считают они, нельзя сравнивать с Национальным конвентом: последний ставил себе творческие задачи, он стремился воссоздать национальную Францию, Коммуна же якобы осуществляла только разрушительные задачи⁶⁰.

Следует отметить большой интерес русской печати к деятельности польских революционеров в Коммуне. «Голос» перепечатал из «Фигаро» список поляков, участников Коммуны⁶¹. Особенно велик интерес к Домбровскому, о котором неоднократно упоминается в либеральной прессе⁶². Пишут также и о известном польском революционере Вроблевском, начальнике его штаба Развадовском; даются сведения об Околовиче, о котором упоминает также и Лавров, Теофиле Домбровском (брат Ярослава), Ландовском, Лео Франкеле, также почему-то отнесённом к польской эмиграции⁶³. Все эти сведения носят, однако, весьма поверхностный характер; никаких подробностей о роли польских революционеров в Коммуне, включая, впрочем, Домбровского, газеты не сообщают.

Мы не станем останавливаться на позиции отдельных иллюстрированных журналов, некоторые из них — «Иллюстрированная газета», «Всемирная иллюстрация», «Нива» — уделяли Коммуне весьма много места. Необходимо, однако, сказать, что все эти журналы не добавляли ничего нового: некоторые из них (как «Иллюстрированная газета») с большей, другие (как «Нива») с меньшей силой обрушивались на Коммуну. Но все они проповедывали только то, что получали из большой прессы.

В заключение упомянем ещё о курьёзном журнале «Грамотей». Журнал издавался в псевдонародном, лубочном стиле и предначался главным образом для «простонародья» и «служивых». «Грамотей» тоже счёл своим долгом откликнуться на франко-прусскую войну и Коммуну. С целью «заstraшить» мужичка ужасами Коммуны, из газет вылавливаются всякого рода небылицы: то сообщается, что коммунары поставили гильотину, которая режет сразу семь голов, то что по приказанию правительства по всему Парижу идут грабежи и у одного из пленных коммунаров будто бы нашли в кармане полтора миллиона франков. «Тут все воровали и грабили: разве только ленивый да дурак круглый — те не воровали. Отъявленные разбойники — вот кто коммунары»⁶⁴. Особенно достаётся Домбровскому, который-де наворовал денег и хотел бежать с ними через прусские линии.

Переходя к обзору народных журналов, следует отметить, что независимо от

⁵³ См. «Бирж. Вед.» от 19 марта 1871 г. за № 76. Содержание этой статьи Балабанов приводит в своей вышеупомянутой книге на стр. 28—31.

⁵⁴ «С.-П. Вед.» от 3/15 июня 1871 г. за № 150.

⁵⁵ «Бирж. Вед.» от 4 апреля 1871 г.

⁵⁶ «Петерб. Вед.» от 2 апреля 1871 г.

⁵⁷ «Бирж. Вед.» от 20 апреля 1871 г.

⁵⁸ Там же от 23 марта 1871 г.

⁵⁹ «Петерб. Вед.» от 18 апреля 1871 г.

⁶⁰ «Бирж. Вед.» от 20 апреля 1871 г.

⁶¹ «Голос» от 25 мая 1871 г.

⁶² См., например, «Бирж. Вед.» от 20 апреля 1871 г., где излагается содержание не лишённого интереса автобиографического письма Домбровского.

⁶³ «Бирж. Вед.» от 29 и 30 апреля 1871 г.

⁶⁴ «Грамотей» за 1871 г., № 4, стр. 39—49; № 5, стр. 23—39. Епифан Гундорыч «Междоусобная война во Франции» (Солдатские беседы).

различия их направлений острый интерес к Коммуне был общим для всех них, причём в отличие от либералов этот интерес они проявляли к Коммуне как таковой, а не только к сопутствовавшим ей событиям, в частности к франко-прусской войне. Можно безошибочно определить направление политической мысли различных органов печати по симпатиям к тому или иному политическому деятелю Франции. Если реакционные круги подняли на щит Тьера, в особенности когда выяснилось, что это единственная фигура, способная, по их мнению, спасти «порядок»; если для либералов «героем» являлся Гамбетта, то для либеральных народников таковым являлся не кто иной, как Луи Блан. Излагая его философию истории, Михайловский, например, ставил ему в заслугу, что он сумел избежать крайностей «парижских и версальских неистовств»⁶⁵. Это суждение в не меньшей степени характерно для Михайловского, чем для Луи Блана. Михайловский выступает как бы в роли третейского судьи между обоими лагерями. Он считает события 1870—1871 г. «историческим атавизмом». Однако атавизмом Михайловский склонен считать не только франко-прусскую войну, но и Коммуну, что совсем непростительно в устах человека, считавшего себя выразителем настроений наиболее радикальных слоёв русского общества. Михайловский не дал развёрнутой оценки Коммуны, что следует, повидимому, приписать цензурным соображениям, иначе трудно понять, почему литератор, так остро реагировавший на явления текущей политической жизни, не откликнулся на событие такого громадного значения, как Коммуна⁶⁶. Большой мастер «эзоповского языка», он умудрялся в легальной литературе высказывать свои взгляды, никогда, впрочем, не выходявшие за рамки того, что Ленин охарактеризовал как «буржуазный демократизм»⁶⁷, недаром он отнесился с такой симпатией к Луи Блану.

В начале 70-х годов «Отечественные записки» являлись одним из наиболее влиятельных и радикальных журналов. Если один из его основных сотрудников, Михайловский, не рисковал дать глубокий анализ Коммуны, то журнал в целом не мог обойти молчанием этот вопрос. Для «Отечественных Записок» характерно, что их французский обозреватель Клод Франк относится «объективно» к Тьеру, сочувственно, хотя порой критически, к Гамбетте и вполне признаёт Луи Блана и ему подобных.

⁶⁵ «Отечественные Записки» за 1871 г., № 8, стр. 204.

⁶⁶ Он не дал ни одной статьи по этому вопросу в «Отечественных записках». Мы также не нашли указаний в опубликованной до сих пор переписке.

⁶⁷ В 90-х годах Ленин вёл беспощадную борьбу с Михайловским на почве идейно-политических разногласий; впоследствии он оценил Михайловского как одного «из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века» (Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 223).

Как же отнеслись «Отечественные Записки» к Коммуне, когда она стала совершившимся фактом? При всём своём радикализме журнал не сумел противостоять той волне ненависти, которая шла из реакционных кругов. Корреспонденции Шассена определённо враждебны Коммуне, хотя они так же критически относятся и к Трошо и к Фабру⁶⁸.

Автор считает, что если бы власть осталась в руках ЦК Национальной гвардии, то всё обстояло бы наилучшим образом. Дело испортили выборы, которые передали власть в руки якобинцев, «эбертистов» и бланкистов. Для них Шассен не находит другой квалификации, кроме: «низкие демократы, честолюбцы, подозрительные крикуны» и т. д. Он опускается даже до того, что позволяет себе глухо говорить о золоте и интригах пруссаков — легитимистов и бонапартистов, — об измене и о подкупности отдельных коммунаров и т. д.

Из всего этого яствует одно: мелкобуржуазный демократ, который нашёл себе приют на страницах «Отечественных Записок», относится к Коммуне враждебно именно потому, что она была первым опытом диктатуры пролетариата. Наиболее решительные, энергичные и революционные элементы пользоваться особенным его нерасположением, именно о них он повторяет самые распропагандные буржуазные выдумки. Незамысловатый ход его мыслей можно свести к следующему: если бы Тьеру было известно истинное положение вещей и если бы он разобрался хотя бы немного в социальных вопросах, он мог бы кое в чём пойти навстречу Коммуне. И если бы «сумасбродные коммунары» не объявили Тьера вне закона и не разрушили бы его отель — иначе говоря, если бы Тьер не был Тьером, — не было бы пролито столько крови. Шассен был историком, но, повидимому, история его ничему не научила. Он ничего не понял в гражданской войне во Франции 1871 года. Тьер, которого он поучает, конечно, гораздо лучше его уловил сущность Коммуны.

Другой сотрудник «Отечественных Записок», Павловский, выдвигает иную трактовку Парижской Коммуны: вся история Флэнции — это история борьбы двух начал: унитаризма и федерализма. Парижская Коммуна и представляет принцип федерализма в его борьбе против централизма⁶⁹. Это чистейший прудонизм, и если сопоставить эту оценку с тем резко враждебным отношением к бланкистам, которое ясно чувствуется у Шассена, то мы должны будем признать, что

⁶⁸ Клод Франк, или, как он иногда подписывался, Людовик, был псевдонимом довольно известного во Франции журналиста и историка Шассена. Он писал в «Отечественных Записках» регулярно до закрытия журнала в 1884 году.

⁶⁹ См. корреспонденции Шассена (Клод Франк) под названием «Парижские письма» в «Отечественных Записках» за 1871 г., № 9 и 10.

⁷⁰ «Отечественные Записки» за май 1871 г., статья Павловского, стр. 127—152.

журнал отражал прудонистские идеи. Это, впрочем, не удивительно, если принять во внимание, что прудонизм известными своими сторонами оказал серьёзное влияние на раннее народничество.

Потребовалась кровавая майская расправа для того, чтобы «Отечественные записки» поняли, наконец, расстановку классовых сил. Когда появляется переведённый с французского реакционный памфлет «Чёрная книга Парижской Коммуны», рецензент журнала приходит в негодование: он ставляет требование, чтобы по этому, сугубо интересующему русскую публику вопросу выпускалась серьёзная литература, а не нечто «с чёрной лестницы»⁷¹.

Шассен, который и в дальнейшем продолжал писать корреспонденции в «Отечественные записки», неизменно останавливался в них на вопросе об амнистии⁷².

Особо останавимся на позиции писателей, группировавшихся вокруг «Отечественных записок». Ближе всех к либерально-народнической поэзии журнала стоял Боборыкин. Он был в Париже после майского разгрома. В его очерках наиболее интересно описание внешнего облика разрушенного города; особенной живостью отличается описание С.-Антуанского предместья⁷³. Боборыкин был также свидетелем августовских процессов над коммунарами и ведёт своё описание в достоянной полемике с кровожадной «Фигаро» и её редактором Вильмессаном⁷⁴. Он глубоко возмущён жестокостями версальцев на Пер-Лашез, но он не менее возмущён и расстрелом заложников Коммуны.

Тогда же в Париже побывал и Глеб Успенский. Но какая разница в отношении к Коммуне барина-либерала, сочувствующего «страданиям народа», и разночинца-интеллигента, писавшего о Коммуне кровью сердца! Он «видел избитый и прусскими и коммунарами бомбами и пулями город, видел, как приговаривали к смерти заложников и башмачников»⁷⁵, и это оставило след в его сознании на всю жизнь.

Иванчин-Писарев, который в ту пору был вместе с Успенским в Париже, вспоминает, как болезненно последний реагировал на всё связанное с майской бойней. Раздражавших его полицейский Успенский называл «наполеоновскими отрывками», «Наполеонтия» он презирал. Тьером возмущался, а палачей Коммуны ненавидел за расстрелы. «Какое зверье!» — говорил он. — «Расстреливали народ тысячами, а в Бют де Шомон ещё соорудили из трупов колоссальный костёр, облили его керосином и зажгли. Им показалось мало

убить и зарыть их в землю, захотелось изжарить их в огне, — обратить людей в густое, вонючее облако дыма»⁷⁶. Больше всего в Коммуне поразило Успенского зрелище оголённой классовой борьбы, звериное ожесточение буржуазии и её наёмников⁷⁷.

Каково было отношение к Коммуне Салтыкова-Щедрина? Прямых высказываний его по этому вопросу мы почти не имеем, но в знаменитой IV главе своего произведения «За рубежом» он близко подошёл к этому вопросу. Его беспощадная сатира на Третью республику первых годов её существования не оставляет сомнения в его глубоком сочувствии Коммуне. Об этой сатире Ленин писал: «Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев»⁷⁸. Щедрин писал, что ему очень хотелось близко ознакомиться с французскими рабочими. «Признаюсь, эти вопросы немало интересовали меня, — замечает он. — Не раз порывался я проникнуть в Бельвиль или, по малой мере, в какой-нибудь *débit de vin* на одной из городских окраин»⁷⁹. Этот острый интерес к рабочему вопросу до некоторой степени свидетельствует также и об отношении Щедрина к Коммуне. Имеются и более прямые высказывания Щедрина в его неопубликованных произведениях, в которых Щедрин почти не прибегает к эзоповскому языку. Вот, например, что писал замечательный сатирик под непосредственным влиянием разгуданных зверств версальцев: «Одичалые консерваторы современной Франции... в одни сутки уничтожают более жизней, нежели сколько уничтожили их с самого начала междоусобия наиболее непреломленные из приверженцев Парижской Коммуны! Нет спасения от одичалого охранителя... Нет ничего отвратительнее, как зрелище торжествующей анархии консерватизма»⁸⁰.

Говоря о группе писателей из «Отечественных записок», нельзя не упомянуть и о Некрасове, так чутко откликавшемся на все большие явления общественно-политической жизни. По условиям царской цензуры Некрасов не имел возможности прямо

⁷⁰ Иванчин-Писарев «Хождение в народ», стр. 350. Изд. «Молодая гвардия». 1929.

⁷¹ Успенский неоднократно возвращался к Коммуне. Вспомним написанный им в 1873 г. очерк «Вольная совесть», первоначально напечатанный в «Отечественных записках» за 1873 г. №№ 2 и 4. В 1885 г. он написал «Выпрямила», где опять возвращается к той же теме («Русская мысль» № 5. 1885 г.).

⁷² Ленин. Соч. Т. X, стр. 238. 3-е изд.
⁷³ Салтыков-Щедрин. Соч. Т. XIV, стр. 192. 1936.

⁷⁴ Там же. Т. VII, стр. 487. В несколько иной редакции см. стр. 473. Этот отрывок является главой V «Итогов». По соображениям цензурного порядка эта глава не была напечатана, между тем как первые главы «Итогов» были напечатаны в первых номерах «Отечественных записок» за 1871 год.

⁷¹ «Отечественные записки» № 11, 1871 г., стр. 51—55.

⁷² Там же, № 7, 1872 г., №№ 4 и 6, 1876 г., № 3, 1879 г., № 5, 1880 г., и др.

⁷³ Там же, № 8, 1871 г., стр. 306.

⁷⁴ Там же, № 11, 1871 год. Из переписки Некрасова видно, что корреспонденции Боборыкина были написаны по предложению Некрасова. См. Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М. 1916.

⁷⁵ См. Успенский. Соч. Т. I, стр. 9.

откликнуться на события 1871 г., но исследователями установлено, что известное стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие», которое прежде связывалось исключительно с «процессом пятидесяти», в действительности было навеяно Парижской Коммуной.

Народнический еженедельник «Неделя», в котором подвизались Лавров (он печатал там свои «Исторические письма») и Шелгунов, проявил больше глубины в понимании Коммуны, чем так называемые «толстые» журналы. Достаточно сказать, что после революции 4 сентября, когда все радикалы с восторгом и безоговорочно приняли правительственные национальные обороны, Гайдебуров, один из влиятельнейших сотрудников «Недели», впоследствии её редактор, призвал к тому, чтобы не обольщаться словом «республика», которая будет хороша, если только станет воплощением политической свободы. Эта настойчивость и критическое отношение к вновь возникшему режиму встречаются и в дальнейшем, в интересных корреспонденциях из Франции М. В. Дальперта. Один из немногих, Дальперт понял значение пролетариата как могучей движущей силы в революции 1848 г. и в 1870 году⁸¹. Он — за последовательных «красных» республиканцев, и в этом редакция не согласна со своим корреспондентом. «Неделя» от «красных» не ждёт ничего хорошего; она ищет средство примирить различные «враждебные общественные интересы»⁸², ибо в этом она видит выход из того тупика, в который зашла Франция.

Несмотря, однако, на эти отдельные напады, «Неделя» как в статьях Гайдебурова, так и в своих «политических обозрениях»⁸³, встретила Коммуну благожелательно. Гайдебуров в своей первой статье резко осудил Винуа, а вместе с тем и Тьера за то, что те без всякого повода вздумали обезоружить Национальную гвардию. Ещё более враждебно встречена «Неделей» грубо провокационная политика Национального собрания по отношению к Парижу. Парижское движение трактуется журналом как движение за автономию. Возможно, что благожелательное отношение к Коммуне было одной из причин запрещения «Недели» на полгода. Во всяком случае, в разгар парижских событий «Неделя» замолчала; она возобновилась только в октябре 1871 года. Подводя итог полугодовому ходу политических событий, «Неделя» смогла пробормотать только что-то о «безумных крайностях» Коммуны. Политический вывод обозревателя сводится к констатированию того «прискорбного» факта, что партийная междоусобица попрежнему раздирает Францию. Если это не прекратится, то Франция кончит,

⁸¹ К сожалению, Дальперт не довёл своих корреспонденций до Коммуны из-за принципиальных расхождений с редакцией, что отмечается последней в примечании. См. корреспонденции М. В. Дальперта под псевдонимом Мих. Тар-цв в «Неделе» №№ 2 и 3, 1871 г.

⁸² См. «Неделя» № 1, 1871 г.

⁸³ Там же, №№ 10, 11, 12, 13.

как Испания и Польша⁸⁴. Всё это несколько не оригинально, и мы знаем, что и либералы подобным же образом угрожали Франции. У народников, правда, это всегда сопровождается обычным самоутешением: Россию всё это минует⁸⁵.

Этот мотив с особенной ясностью звучит у Шелгунова, писавшего в народническом журнале «Дело». Иностранцем обозревателем журнала в ту пору был Жак Лефреть, псевдоним Эли Реклю, старшего брата знаменитого географа и анархиста, принимавшего, как и он, участие в Коммуне. Он был тогда директором Национальной библиотеки в Париже. Его острые корреспонденции об отдельных политических деятелях впоследствии были изданы отдельной книгой⁸⁶.

Не станем повторять, что сочувствие журнала до франко-прусской войны целиком на стороне Франции. Это не удивительно, если принять во внимание, что обозревателем был француз. Интересно, однако, отметить, что, по мнению журнала, первоначально война была для Пруссии оборонительной, и только после Седла Пруссия вела чисто наступательную войну. Для того времени это замечание не лишено было проницательности⁸⁷.

Однако, когда Лефреть переходит к объяснению причин возникновения Коммуны, он обнаруживает свою беспомощность. Он считает причиной гражданской войны «всеобщее невежество народа». Он утверждает также, что если бы не «бордоский договор», утвердивший временное положение вещей, как постоянное (по предложению хитроумного Тьера), то гражданской войны можно было бы избежать. И то и другое объяснения малоубедительны и свидетельствуют лишь о том, в каких потёмках бродил ещё народнический журнал.

Но вот перед нами выступает один из виднейших журналистов 70-х годов — Шелгунов. «Июньское столкновение (1848 г. — С. К.) не было столкновением политическим: оно имело чисто социальный характер»⁸⁸, — пишет он. Если Шелгунов понял это, то тем более он должен был бы понять сущность Коммуны. Следуя за Иоганном Шерром, «Комедию всемирной истории» которого он излагает, он признаёт, что и «теперешняя» республика ещё не настоящая.

⁸⁴ Там же, № 14.

⁸⁵ В дальнейшем «Неделя» неоднократно возвращалась к Коммуне. С большим сочувствием она дала описание казни Росселя Ферре и Гастона Кремье («Неделя» №№ 20, 21, 22, 23, 1871 г.). Тогда же были помещены отрывки из дневника Росселя, изданного Амигом. В 1874 г. она подробно сообщала о бегстве коммунаров из ссылки, поместила отрывки из новой «Лавтэри», где были даны его воспоминания (см. «Неделя» №№ 27—29 за 1874 г. Письма из Женевы).

⁸⁶ Э. Реклю. Современные политические деятели. Биографические очерки и характеристики. СПб. 1876.

⁸⁷ «Дело» № 6, 1871 г.

⁸⁸ «Дело» № 6, 1871 г., стр. 54.

«Разве назвать теперешний французский порядок республикой значит создать из неё республику? — спрашивает Шелгунов. — Кто вам мешает назвать республикой и Турцию?»

Итак, так же как после революции 1848 г., во Франции продолжает и в 1870 г. господствовать буржуазия. С этим выводом нельзя не согласиться. Нельзя не отдать дань справедливости Шелгунову: мало кто заметил это бессюрное для нас теперь обстоятельство. В буре восторга, вызванного падением Наполеона III, никто не заметил, что хотя и произошла смена декораций, но действующие лица остались те же. «Разве во Франции царит не буржуазия?.. Францией управляют и теперь те же люди, которые правили ею в 1848 г. Антракт кончился, и продолжается старая комедия»⁸⁰.

Шелгунов констатирует нравственный упадок буржуазии, при одновременном ухудшении положения рабочих, раздражённых недостатком работы, нищетой, праздною роскошью богачей⁸⁰. Шелгунов признаёт, что это обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией и породило Парижскую Коммуну. «Теперешняя борьба Парижа с версальским правительством есть в сущности борьба с буржуазией»⁸¹, — замечает он.

Многие из наиболее дальновидных народников правильно уловили, что за борьбой Парижа с Версалем скрывалось классовое столкновение пролетариата с буржуазией; однако дальше этого никто из них, в том числе и Шелгунов, не сумел пойти. «В чём причина страшного обоюдного озлобления и повального годовокружения, в котором за неистовствами Коммуны последовали неистовства версальских войск?» — задаётся вопросом Шелгунов. Уже в самой постановке вопроса, в котором равно фигурируют неистовства версальцев и «неистовства Коммуны», мы находим скрытый ответ на поставленный вопрос.

Опыт Парижской Коммуны привёл Шелгунова к следующему выводу: народ утратил всякую веру в революцию, ибо революция до сих пор делалась отдельными партиями в интересах этих партий. Кроме того революции до сих пор были насильственными, между тем Шелгунов создал себе идеальное представление о некоей «величайшей мирной революции», которая «будет заключаться в том, что исчезнет всякая возможность революции». По его глубокому убеждению, «кровь и насилие не есть необходимый элемент революции — он признак её бессилия»⁸².

При таком понимании сущности революции Шелгунов не мог уйти дальше элементарных представлений о Коммуне. Вся система его взглядов была тесно связана с очень распространённой среди народников того времени теорией о том, что классовая и партийная борьба — вообще большое зло — составляют специфический продукт западноевропейской жизни, совершенно якобы не-

свойственной России. По существу, на той же точке зрения стояли и Михайловский, для которого Парижская Коммуна была только «резнёй», и Успенский.

В заключение остановимся ещё на оценке, данной Коммуне довольно известным в своё время публицистом И. Чуйко на страницах народнического журнала «Азиатский вестник»⁸³. Политический обзор Чуйко, посвящённый Коммуне, ничего достопримечательного не представляет. Чуйко не особенно восхищён Коммуной, которую он считает «полнейшим выражением неумелой торопливости», к тому же он вообще противник «революционной ломки»⁸⁴.

В освещении причин обозреватель идёт по проторенной дорожке: Коммуна вызвана и тем, что Парижу не была дана автономия, и тем, что Национальное собрание вело провокационную политику. Такое поверхностное объяснение возникновения Коммуны было в ту пору очень распространённым среди либералов.

В одном отношении обозреватель делает известный шаг вперёд. Он даёт довольно тонкий анализ положения отдельных классов в Париже к моменту возникновения Коммуны, в особенности удачен анализ мелкой буржуазии. Автор показывает, как самим ходом вещей мелкая буржуазия толкается на путь революции.

Чуйко отрицает, что Коммуна была подготовлена Интернационалом, и в этом отношении идёт вразрез с установившейся у реакции традицией считать Коммуну делом рук Международного Товарищества рабочих.

Подведём некоторые итоги. Отношение реакционной прессы («Московские Ведомости») к Коммуне определялось в основном положением представляемых ею кругов. Для таких людей, как Катков, Коммуна была созданием Бисмарка, действовавшего через бонапартовских агентов. На значительно более высоком уровне понимания находилась либеральная пресса, независимо от её направлений: органы либеральной печати пытались осмыслить Коммуну как определённое явление общественно-политической жизни. Одни толковали Коммуну как самое невинное стремление к муниципальной автономии, другие — как организацию, созданную для обороны Франции, в противовес «правительству национальной измены», стремившемуся, как известно, к заклю-

⁸³ Издателем этого журнала, который субсидировался правительством, была весьма подозрительная личность — Пашино. Однако он привлёк к участию в журнале радикальные элементы: Шелгунова, Н. С. Курочкина (известного переводчика Беранже), сибиряка Ядрияцева и др. Правительство, повидимому, рассчитывало посредством этого журнала воздействовать на определённые общественные круги. Однако оно потерпело разочарование, журнал оказался народническим и всё предприятие лопнуло. Об обстоятельствах этого дела см. у И. Ясинского «Роман моей жизни», стр. 87—95. 1926.

⁸⁴ «Азиатский вестник» № 1 за 1871 г., стр. 25—26.

⁸⁰ «Дело» № 6, 1871 г., стр. 60.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, стр. 70.

чению мира любыми средствами. Некоторые органы либеральной прессы видели в Коммуне продукт социального творчества парижского пролетариата, но это давало им лишь повод для нападок на неё.

Отношение периодической народнической печати может быть сформулировано следующим образом: Коммуна признавалась ею продуктом западноевропейской политической жизни с её ожесточённой классово-партийной борьбой. И та и другая не свойственны России, ибо в ней нет капитализма. Россия благодаря особенностям её экономического развития — артельное начало, община и т. д. — придёт к социализму своим, самобытным путём. Мы уже отмечали, что некоторые славянофилы признавали эти своеобразные черты социально-экономического развития России, но, в отличие от народников, они усматривали в них преграду для проникновения социализма в Россию. Сочувствуя Коммуне, народники поощряли насильственные пути, ею избранные, и вслед за либералами писали о «крайностях» версальцев и коммунаров. Это вполне соответствовало их собственной политической тактике, строившейся в ту пору на «хождении в народ» и на сближении с либералами.

Противники Бланки, бланкистских и якобинских методов революционного действия, народники (если не считать Ткачёва и его сторонников) объявляли себя сторонниками Прудона. Если либералы истолковывали Коммуну как одну из страниц в истории борьбы за городское самоуправление, то для народников она была олицетворением анар-

хистски-федералистских принципов. Бакунисты мечтали о создании «вольной федерации» общин, построенной по принципам анархизма, и Парижская коммуна 1871 г. должна была явиться первым шагом в этом направлении.

Таковы различные трактовки, дававшиеся Коммуне реакционной, либеральной и народнической прессой. Мы ставили своей задачей изучить позицию легальной прессы. Последняя, как мы видели, даже в лице своих самых смелых представителей не имела возможности последовательно и открыто излагать свою точку зрения. Можно не сомневаться в том, что если бы Салтыкову-Щедрину, Шелгунову и другим революционным демократам подобного направления была предоставлена возможность во всеуслышание заявить о своей точке зрения на Коммуну, то она звучала бы совсем по-иному, чем в подцензурных журналах. Совершенно естественно, что последовательно-демократическая революционная точка зрения не могла быть изложена в легальной прессе, ибо её не пропустила бы царская цензура. Русская нелегальная революционная печать и литература 70-х годов снова и снова возвращались к великому восстанию парижского пролетариата в 1871 г., стремясь изучить и обобщить его опыт. Наиболее близко подошёл к концепции Маркса Лавров, работа которого о Парижской коммуне была напечатана в 1879 г. и в следующем году увидела свет в Женеве. Но этот вопрос выходит за пределы настоящей статьи и должен явиться предметом специального исследования.